

Ци Шэнь всегда думал, что его отец, Ци Мучэнь, всё же испытывает к нему хоть какие-то отцовские чувства. Теперь он наконец понял, что это было не более чем наивной надеждой.

— Отец, в твоих глазах я всего лишь инструмент для достижения богатства и славы, не так ли?

На губах Ци Шэня появилась горькая улыбка, и он больше не был спокоен и собран. Безумные мысли едва не поглотили его разум, но он знал, что сейчас это невозможно.

— Ты пойдёшь или нет? В любом случае, ты пойдёшь!

Ци Мучэнь усмехнулся, и его отвращение уже не скрывалось. Его взгляд на Ци Шэня был как на ненужный хлам. Ведь с этого дня сын потерял всю свою ценность.

...

Сегодня утром, едва Ци Шэнь встал с постели, его верный телохранитель Аньюй вбежал в его запущенный двор, запыхавшийся и встревоженный:

— Ваше Высочество, во дворце случилось что-то ужасное!

Но прежде чем Аньюй успел объяснить, что произошло, Ци Шэня вызвали люди Ци Мучэня. Уходя, он бросил Аньюю взгляд, намекая, что обсудит всё позже. Ведь что бы ни случилось во дворце, это вряд ли касалось его. Так он тогда думал.

Ци Шэня привели в семейный храм, куда он не ступал с момента своего рождения. Это было место, куда могли войти только глава семьи и его дети, когда они женились или выходили замуж. Уже у входа Ци Шэнь почувствовал, что это, скорее всего, ловушка.

Перед алтарём с аккуратно расставленными табличками предков стоял Ци Мучэнь, улыбаясь Ци Шэню. Но прежде чем Ци Шэнь успел удивиться, его ждал удар.

— Отец? Что ты только что сказал?

Голос Ци Шэня был хриплым, а в его карих глазах промелькнула тень.

— Сегодня второй принц попросил у императора разрешения на свадьбу, и объектом этой свадьбы являешься ты. Император уже согласился, так что готовься.

Ци Мучэнь говорил невозмутимо, излучая авторитет.

В сердце Ци Шэня вспыхнула горечь.

В эпоху Цзин существовало правило: каждый мужчина из императорской семьи должен был жениться на мужчине. Это делалось для того, чтобы удерживать женщин в узде, предотвращать их интриги и исключать возможность ущемления императорских наследников из-за ревности. Кроме того, мужчины могли представлять себя на официальных мероприятиях.

Ходили слухи, что этот обычай был установлен основателем династии, который предпочитал мужчин и хотел жениться на мужчине на законных основаниях. Точных данных не сохранилось, ведь основатель династии умер много веков назад.

Но как бы Ци Шэнь ни спорил и ни возражал, Ци Мучэнь не отступил. Ци Шэнь вышел из храма, изображая ярость.

Едва он ушёл, из-за задней двери храма вышла женщина.

— Наконец-то мы нашли способ избавиться от него без лишних разговоров во дворце.

Женщина была грациозна, на её лице было много пудры, а губы выделялись ярко-красной помадой. Её глаза были подчёркнуты густой подводкой, словно она хотела заворочить каждого.

Ци Мучэнь, до этого хмурый, увидев её, сразу улыбнулся, обнял её за талию и, ткнув пальцем в её нос, сказал:

— Чего ты боишься? Ведь он всё равно не сможет ничего сделать. Но лучше, чтобы он ушёл.

Если бы Ци Шэнь был здесь, он бы узнал, что эта женщина — госпожа Ван, жена Ци Мучэня.

Ци Мучэнь был левым министром и всю жизнь был верен одной жене, что делало его образцом преданности. Ци Шэнь был его вторым сыном, рождённым от служанки, с которой он переспал в пьяном угаре. Едва Ци Шэнь родился, его мать, Юйянь, была тайно убита госпожой Ван, пока она ещё не оправилась после родов. Госпожа Ван даже не знала, что Юйянь была единственной дочерью главы Павильона Иллюзий, знаменитого в мире боевых искусств.

Юйянь сбежала в резиденцию левого министра, чтобы избежать брака, но влюбилась в него и забеременела. Кто бы мог подумать, что её убьют в момент слабости после родов? К счастью, глава Павильона Иллюзий вовремя нашёл Ци Шэня и защитил его, иначе неизвестно, существовал бы он сейчас.

Все эти факты Ци Шэнь узнал от Аньюя, телохранителя, присланного главой Павильона Иллюзий. Все эти годы Ци Шэнь задавался вопросом, насколько плохим было зрение его матери, если она могла полюбить такого подлеца, как Ци Мучэнь?

— Ваше Высочество? Ваше Высочество?

Голос Аньюя вернул Ци Шэня к реальности. Он привычно улыбнулся:

— Что случилось?

— Может, соберём вещи и вернёмся в Павильон Иллюзий? Глава ни за что не позволит левому министру найти вас.

В голосе Аньюя звучала тревога. Впервые увидев Ци Шэня в таком подавленном состоянии, он чувствовал обязанность защитить своего хозяина.

Впервые у Ци Шэня появилась мысль уехать.

Но он не мог.

Он должен был отомстить левому министру. Своими силами. Это было бы мстостью за его несчастную мать.

Ци Шэнь с грустью поднял чашку с чаем, когда в комнату без стука вошёл неприятный человек.

Это был молодой человек с прыщами на лице. Старший сын левого министра, единственный ребёнок госпожи Ван, Ци Шуньин. Он держал веер, изображая из себя культурного и

изысканного человека. Ци Шэнь едва сдержал улыбку, подумав: «Этот подлец опять здесь? Неужели он думает, что я буду терпеть его?»

— Брат, ты стал настоящей знаменитостью, слухи дошли даже до дворца. Говорят, второй принц лично попросил твоей руки. Какая честь!

В голосе Ци Шуньина звучала насмешка. Его глаза искрились, словно он говорил о чём-то невероятно радостном. Но именно это выражение лица вызывало у Ци Шэня отвращение.

— Если ты считаешь это честью, можешь пойти вместо меня. В конце концов, в столице мало кто видел меня.

Ци Шэнь намеренно раздражал его, с искренним выражением лица, словно он действительно хотел помочь.

Выражение лица Ци Шуньина, словно он съел что-то не то, заставило Ци Шэня внутренне смеяться. Он не мог не думать с сарказмом: каждый раз, когда Ци Шуньин приходил ссориться, он проигрывал, но всё равно любил затевать драки. Это что, врождённая склонность к мазохизму?

На этот раз Ци Шуньин не отвечал, а просто смотрел на Ци Шэня. Это выражение... Ци Шэнь почувствовал отвращение. Это было то же самое выражение, с которым его отец смотрел на госпожу Ван.

— Брат, раз уж ты уходишь, я больше не буду скрывать: я люблю тебя.

Ци Шуньин говорил с видом влюблённого. Если бы Ци Шэнь не видел, как он флиртовал со служанкой с таким же выражением лица, он мог бы поверить. Но глядя на это лицо, он чувствовал только отвращение.

Ци Шуньин начал блуждать взглядом по лицу Ци Шэня, что вызывало у него дискомфорт.

... Если это твой способ справиться со мной, брат, то я сдаюсь! Прощу, отпусти меня!

Аньюй, находившийся в тени, не выдержал и вырубил Ци Шуньина. Ци Шэнь молча прижал руку к груди, сдерживая рвотные позывы. Он не видел второго принца и не знал, как он выглядит. Но кто бы это ни был, если мужчина будет говорить ему такие вещи... Мысль об этой сцене вызывала у него отвращение.

Кроме того, в юности он пообещал одной девушке, что, когда она вырастет, он женится на ней. Разве Ци Шэнь был тем, кто нарушает свои обещания?

Он дал Аньюю знак, и их многолетняя взаимопонимание позволила тому спокойно отнести Ци Шуньина в его комнату и оставить там с «подарком».

Так Ци Шэнь пережил крайне мучительный день. Наступила ночь.